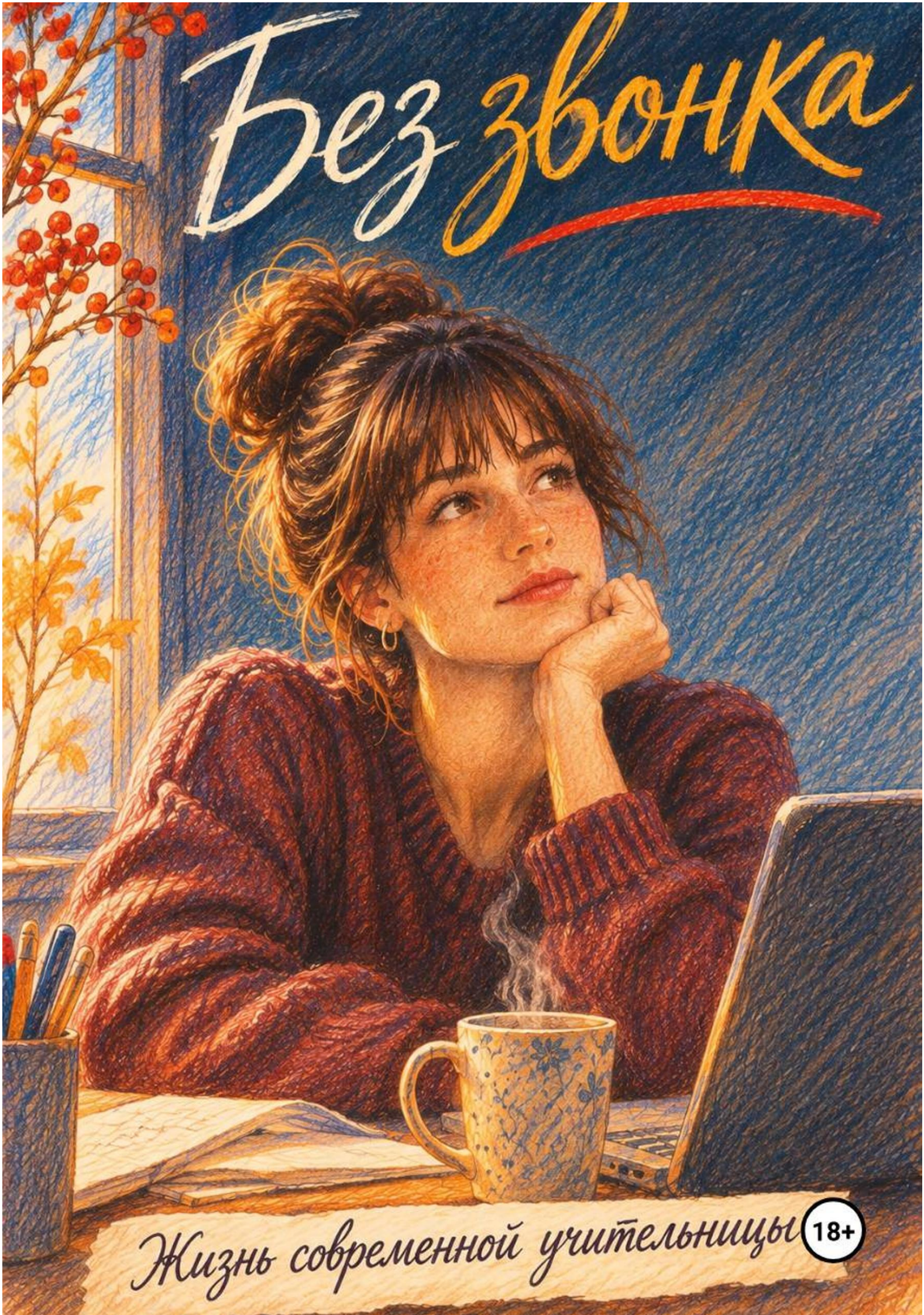

Без звонка
Жизнь современной учительницы
18+

Юлия Двенадцатая

Без звонка

«Автор»
2026

Двенадцатая Ю.

Без звонка / Ю. Двенадцатая — «Автор», 2026

Вера Андреевна четыре года учит семиклассников английскому и уже не помнит, зачем. Зарплаты хватает до двадцатого, родительский чат пишет ей в шесть утра, а завуч вешает на неё всё, от чего отказались другие.Однажды Вера узнаёт, что её старые разработки, когда-то по доброте отданные руководителю методобъединения, давно продаются в интернете под чужой фамилией. И неплохо продаются.Раньше она бы промолчала. Но гардеробщица Тамара Ильинична, бывший главбух, уже посчитала чужие деньги на калькуляторе, подруга Лиза оформила Вере самозанятость, а на антресоли нашлась бабушкина тетрадь с наказом не продавать себя задёшево.Сможет ли тихая учительница превратить рабочие листы в настоящее дело и уйти из школы, хлопнув дверью? Как быть с личной жизнью, если на неё нет ни минуты, а человек, который мог бы всё изменить, пока только пишет ей в родительский чат? И хватит ли Вере смелости наконец назвать свою цену?

© Двенадцатая Ю., 2026
© Автор, 2026

Юлия Двенадцатая
Без звонка

Глава 1

Продано: 2 140

Будильник Вера ставила на 6:10. В шесть ровно вставать было как-то совсем безнадёжно, а десять минут сверху давали ощущение, что она сама так решила.

Телефон она взяла раньше, чем открыла глаза. Четырнадцать сообщений. Родительский чат 7 «Б» проснулся в 5:48: мама Тимура Гаджиева писала, что сын «весь вечер учил неправильные глаголы» и она «не понимает, откуда тройка». Ниже две мамы поставили сердечко. Сердечко, подумала Вера, это за что? За тройку или за вечер?

В общем чате школы висело сообщение от завуча, отправленное в 23:41:

«Коллеги!!! Мониторинг по функциональной грамотности сдаём до 12:00 в НОВОЙ форме. Старая форма неактуальна. Л. Г.»

Вера открыла новую форму. Это была старая форма, только третий и пятый столбцы поменяли местами. Она посмотрела на это секунд двадцать, потом положила телефон экраном вниз на одеяло, как будто так он перестанет быть.

Чайник щёлкнул и выключился сам. Хоть кто-то в этом доме знал, когда остановиться.

До школы было четыре остановки на сорок восьмом автобусе. Ноябрь в этом году пришёл без снега, просто серый и злой. Река стояла тёмная, с той стороны в утренней дымке светились чужие высотки, и Вера, как всегда, на них посмотрела. Когда-то она смотрела на них и думала: вот, другой берег, другая страна, всё рядом. Сейчас думала про то, что за квартиру платить двадцатого, а зарплата приходит двадцать пятого, и эти пять дней надо как-то прожить на гречке и честном слове.

Она посчитала в уме, как считала каждое утро. Оклад, ставка, классное руководство, проверка тетрадей. Тридцать восемь тысяч четыреста. Минус квартира. Минус проездной. Минус кредит за ноутбук, который она купила, чтобы делать презентации к урокам, потому что школьный не включался с 2019 года.

Получалось неприлично мало. Вера считала это уже четвёртый год и каждый раз немного удивлялась, как будто цифра могла за ночь передумать.

В университете она хотела в Эдинбург. Не жить, просто поехать. Постоять на какой-нибудь каменной лестнице, поговорить с кем-нибудь не по учебнику. Дипломную писала про иронию у Джейн Остин. Научный руководитель сказал, что у неё «редкое ухо на язык». Теперь это ухо шесть раз в день слушало, как тридцать человек хором говорят «ze cat is on ze table».

***

Гардероб в школе №14 был похож на таможню, и Тамара Ильинична держала его, как таможню. Ей было под семьдесят. Носила она синий рабочий халат и золотые серьги, массивные, старые, явно не с рынка. На стойке перед ней всегда лежала тетрадь в клетку, калькулятор с большими кнопками и газета, которую она никогда не читала, а только складывала.

— Лыкова, — сказала она, принимая у Веры пуховик. — У тебя лицо как у главбуха в девяносто восьмом.

— Это какое?

— Это когда всё уже случилось, а отчёт сдавать всё равно надо. Я знаю. Я была главбухом в девяносто восьмом.

Вера знала про Тамару Ильиничну немного: что та когда-то работала на большом заводе, который потом закрылся, что у неё сын в Новосибирске и что она единственная во всей школе, кто зовёт завуча по фамилии и без отчества. Вера ей почему-то нравилась. Может, потому что Вера однажды помогла ей перевести инструкцию к тонометру, а может, просто так.

— Номерок, — Тамара Ильинична протянула кругляш с цифрой 31. — Тридцать второй потеряли. Ищу, кто.

— Это не я.

— Это никогда не ты. Ты такая, что сама себя бы сдала.

***

Первым уроком был 7 «Б».

Present Perfect. Вера рисовала на доске стрелку времени: прошлое, настоящее, а между ними мостик, который ей когда-то самой объяснили так хорошо, что она влюбилась в грамматику. Мостик выходил кривой. Мел крошился.

— Have you ever been to Moscow? — спросила она. — Степан.

Стёпа Белов, длинный, с вечно расстёгнутым воротником, посмотрел на неё с жалостью.

— Вера Андреевна, а зачем нам это? Есть же переводчик.

Раньше у неё был ответ. Хороший, длинный, с примерами, про то, что переводчик не понимает шуток, что язык это не слова, а способ думать, что когда ты говоришь на чужом языке, ты немного другой человек. Она этот ответ любила.

— Затем, что это будет на контрольной, — сказала Вера. — Have you ever been to Moscow, Степан?

— Ноу, — сказал Стёпа. — Ай хэв нот.

— Отлично. Садись.

Она услышала себя со стороны и ей стало немного противно. Как будто в класс вместо неё пришла какая-то усталая тётя, которую она в двадцать два года обещала себе никогда не стать.

На перемене к столу подошла Аня Кузьмина, тихая, с косой до пояса.

— Вера Андреевна, а можно я вот это сдам вместо упражнения в рабочей тетради? Я дома сделала. Мама сказала, по этому лучше.

Она положила на стол распечатку. Два листа, сшитых степлером. Сверху картинка с совой в очках, ниже задания на Present Perfect. Вера взяла листок, чтобы просто кивнуть, и не кивнула.

Это был её лист.

Не похожий. Её. Она сделала его два года назад к семинару. Сидела до двух ночи, придумывала предложения, чтобы детям было смешно. Вот это: «My cat has never been to London, but he has strong opinions about it». И вот это, в пятом задании: «recieve». С ошибкой. Она тогда так и не исправила, заметила уже после семинара и махнула рукой.

Внизу мелким шрифтом было написано:

«© Авторская разработка И. В. Сафроновой. Копирование запрещено».

Инна Викторовна Сафронова, руководитель методического объединения. Та самая, которая два года назад попросила у Веры «все наработки, для регионального банка лучших практик, вам же для аттестации пойдёт».

— Вера Андреевна? Можно?

— Можно, — сказала Вера. — Аня, а где мама это взяла?

— Купила. На сайте каком-то. Там много, по всем модулям.

Прозвенел звонок. Вера положила листок в сумку, между тетрадями, и весь следующий урок чувствовала его там, как будто положила горячее.

***

После шестого урока её поймала завуч, Лариса Геннадьевна Ткач, в коридоре у столовой.

— Вера Андреевна, мониторинг ваш где?

— Я сдала. В одиннадцать сорок.

— В какой форме?

— В новой.

— Там столбцы перепутаны.

— Вы их сами поменяли, — сказала Вера и сразу испугалась.

Лариса Геннадьевна посмотрела на неё внимательно, как смотрят на прибор, который вдруг пискнул.

— Переделайте, пожалуйста, до завтра. И ещё. Вы у нас молодая, активная. На вас Неделя здорового питания. Там немного: стенгазета, анкетирование, отчёт с фото. Хорошо?

Нужно было сказать «нет». Вера даже почувствовала, где у неё это «нет» лежит, где-то под рёбрами, тяжёлое и круглое.

— Хорошо, — сказала она.

Потом она сидела в пустом кабинете и смотрела в стену. Стену она знала наизусть: портрет Шекспира, который кто-то из восьмиклассников подписал фломастером «Шекспир топ», карта Великобритании, выцветшая до того, что Шотландия стала почти белая. Вера пришла в себя от того, что в коридоре уборщица загремела ведром, и посмотрела на часы. Прошло двадцать пять минут. Она не помнила, о чём думала. Наверное, ни о чём. Это было хуже всего: даже злиться сил не было.

В дверь постучали.

— Здрасте. Я за Беловым. Он сказал, вы его на дополнительное оставили?

В дверях стоял мужчина лет тридцати пяти, в рабочей куртке, с ключами от машины в руке. Высокий, как Стёпа, и так же не застёгнутый.

— Никого я не оставляла, — сказала Вера. — Он, наверное, в столовой. Или где-нибудь в телефоне.

— Понятно. Ну, значит, врёт, — мужчина почему-то улыбнулся. — Вы извините. Он, кстати, дома говорит, что вы единственная, кто на них не орёт.

— Сил нет орать, — честно сказала Вера.

— Это тоже метод, — сказал он. — Глеб. Отец, в смысле. До свидания.

И ушёл. Вера ещё немного посидела, глядя на дверь, а потом взяла сумку.

***

Гардероб почти опустел. Тамара Ильинична считала в тетради что-то своё, водя ручкой по столбику.

— Тамара Ильинична. Можно вам кое-что показать?

Вера положила на стойку Анин листок. Тамара Ильинична надела очки, которые висели у неё на цепочке, и прочитала внимательно, до самого копирайта внизу.

— Твоё?

— Моё. Вот тут даже ошибка моя. Я её два года назад сделала.

— Где продаёт?

— Не знаю. Девочка сказала, на каком-то сайте.

Тамара Ильинична достала телефон, старый, с треснутым углом, и потыкала в него пальцем с той скоростью, с какой женщины её возраста обычно не тыкают. Нашла быстро. Сайт назывался «Учительская полка». Аватарка: Инна Викторовна в белой блузке на фоне книжного шкафа. Разделы по классам, по модулям, по учебникам.

— Вот, — сказала Тамара Ильинична. — «Present Perfect с юмором. Рабочий лист, 7 класс. 390 рублей». Продано: две тысячи сто сорок.

Она взяла калькулятор. Кнопки щёлкали громко, на весь пустой гардероб.

— Восемьсот тридцать четыре тысячи шестьсот, — сказала она. — Это один лист. А у неё их тут, — она пролистала, — сорок шесть.

Вера молчала. В ушах как будто стоял тот же звук, что бывает, когда выходишь из бассейна.

— Сколько из них твоих?

— Не знаю. Много. Я ей тогда всю папку отдала.

— Ну, — сказала Тамара Ильинична, сняла очки и аккуратно сложила их. — Я тебе так скажу, как главбух. Деньги никогда не пропадают, Вера. Они просто лежат у того, кто первый догадался, что они есть.

— И что мне делать? В суд на неё подать? На руководителя МО?

— Я этого не говорила. Я говорила: она догадалась первая. А ты вторая. Второй тоже неплохо, если не спать.

Она выдала пуховик и добавила, уже другим тоном:

— Иди домой. И поешь что-нибудь, кроме гречки. Я по лицу вижу.

***

Дома Вера не стала переделывать мониторинг. Она включила ноутбук, тот самый, в кредит, и нашла папку, которую не открывала давно. Папка называлась «Старое». Внутри лежало шестьдесят три файла. Рабочие листы, игры, тексты, которые она переписывала под своих детей, кроссворды, комикс про Present Simple, который она рисовала от руки и сканировала на почте за двадцать рублей страница.

Она открывала их один за другим и узнавала себя. Ту, которая сидела до двух ночи не потому что надо, а потому что было интересно, получится ли смешно.

Получалось. Две тысячи сто сорок раз получалось.

Телефон пискнул. Чат методического объединения.

«Вера Андреевна, добрый вечер! Скиньте, пожалуйста, ваши материалы к открытому уроку, я включу в сборник МО) Спасибо!!! И. В.»

Вера напечатала: «Конечно, Инна Викторовна».

Посмотрела на это.

Стёрла.

За четыре года работы в школе это было первое сообщение начальства, на которое она не ответила. Она положила телефон экраном вниз, придвинула ноутбук и создала новую папку. Подумала, как её назвать, и назвала коротко: «Моё».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.